

Любить
птичку-ткачика

*русский
любвиный
роман*

Светлана Демидова

Светлана Демидова

Любить птичку-ткачика

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164458
Любить птичку-ткачика: Эксмо; М.; 2007
ISBN 978-5-699-23578-0

Аннотация

В юности, когда ее сверстники напропалую целовались в призрачном мареве белых питерских ночей, Людмила Ивина училась, училась, училась. Первая любовь настигла ее лишь к тридцати годам... Но такая, что и врагу не пожелаешь, – с тоской и жуткой ревностью. Это горькое чувство заставило Милу пуститься на крайнюю меру – нанять частного сыщика, чтобы следить за неверным возлюбленным. Сыщик взялся за работу. Сыщик предъявил доказательства. Сыщик... сам влюбился в эту женщину с разбитым сердцем. И быть бы этим людям счастливыми, но в их жизнь вмешалась лучшая Милина подруга...

Светлана Демидова

Любить птичку-ткачика

По потолку метались желтые сполохи, ворвавшиеся сквозь неплотно задвинутые шторы. Мила поняла, что во дворе между грязными, подтаявшими и уже прилично осевшими сугробами опять застряла чья-то машина. Она бешено урчала и гневалась, видимо, из-за того, что кучи громоздились без всякой системы, а потому выбраться из их плена было большой удачей. Свет автомобильных фар эффектно перечеркивал Милин потолок вкривь и вкось. Она некоторое время следила за беспокойным метанием ярких полос, потом повернула голову к соседней подушке. Олег спал спокойно. Его не тревожил ни утробный рык машины, ни пристальный Милин взгляд. Все-таки он очень красивый мужчина. Даже сейчас, в полутьме, видно, как четко очерчен его профиль, как длинны ресницы, как рельефны мускулы заброшенной за голову руки. Мила представила его в постели с другой женщиной, и ее кулаки непроизвольно сжались. Она усмехнулась и разжала ладони. Разве она когда-нибудь сможет подраться с соперницей... Да ни за что... Она вообще ничего не может, только фантазировать и терзаться испепеляющей ревностью. До встречи с Олегом Мила даже не предполагала, что способна так страдать из-за мужчины. Она никогда еще серьезно не влюблялась, а потому и была уверена,

что никогда не опустится до того, чтобы примитивно ревновать своего мужчину к каждой юбке. Возможно, все дело было в том, что прежние Милины знакомые не вызывали такого повального интереса у женщин, как Олег.

Конечно же, соперницы у Милы есть! Да что там говорить... Этих соперниц у нее легион! А если они всего лишь плод ее богатого воображения? Мила села на постели, обняла колени руками и бросила еще один взгляд на Олега. Тот смешно засопел, вздохнул и повернулся к ней спиной. Мила улыбнулась, но как-то грустно. Ей было тоскливо. Еще бы! Перед Олегом каждый день раздеваются женщины. Красивые и холеные, в прозрачном белье... а может быть, и без такового... Каких только причуд не бывает у отягченных богатством дамочек! У них есть все: особняки с прилагаемыми к ним дворецкими, автомобили – с водителями, массажные салоны с личными массажистами в крошечных фартучках, слегка прикрывающих причинное место... Почему бы не обзавестись еще и собственным дизайнером, перед которым так сладко стоять обнаженной, пока он трепетными пальцами снимает мерки...

Олег не любил, когда его называли дизайнером, модельером, стилистом или, того хуже, кутюрье. Ему нравилось величать себя на старинный манер закройщиком дамского платья. И, тем не менее, он был одним из пятерки самых модных модельеров женской одежды в Санкт-Петербурге. Салон, который он упорно называл ателье, у него оставался ма-

леньким. И чем труднее в него было попасть, тем активнее столичные гламурно-бомондные штучки бились за возможность одеваться именно у Олега Романца. Нынче это был хороший тон – платье от Романца, и, соответственно, дурной, если в гардеробе нет ни одного туалета из ателье под расхожим названием «Силуэт». Олегу много раз советовали сменить название, предлагали разработать логотип фирмы, лейблы и прочие опознавательные знаки, но он только отмахивался. Ему все это было неинтересно. Ему не было нужды привлекать внимание к собственной персоне и к ателье «Силуэт», потому что богатенькие женщины и без того плыли на свет двух его небольших витрин с селедочными косяками.

Мила, разумеется, тоже одевалась у Романца. Уж ей ли было не знать, какие у Олега чуткие пальцы. Конечно, ему уже не надо было снимать с нее мерки, потому что он знал ее тело наизусть, но... В общем, даже одна-единственная примерка всегда растягивалась у них на неопределенное время, поскольку стоило Миле слегка обнажиться, как... Вполне возможно, что у знаменитого закройщика уже сформировался условный рефлекс на снятие дамами верхнего платья...

Нет! Ерунда! Олег вовсе не так примитивен! Он интеллигентный человек, очень увлеченный своим делом и... ею, Милой...

Урчание машины во дворе перешло в отвратительный рев. Олега это по-прежнему нисколько не беспокоило. Он сладко спал, положив обе ладони под щеку, как ребенок. Ми-

ла, понимая, что заснуть под такое немзыкальное сопровождение ей не удастся, поднялась с постели и подошла к окну. Именно в этот момент измученная машина наконец вырвалась из сугробного плена и, громко газанув напоследок, лихо подъехала к одному из подъездов соседнего дома. Дверца открылась, и из салона машины вышла молодая женщина в меховом жакете, небрежно накинутом на длинное вечернее платье. Мила не была знакома с женщиной лично, но знала, что она является корреспонденткой одной из модных газетенок, пишущих о светской жизни. Всегда очень экстравагантно одетая, она ездила на машине только одна. Мила никогда не видела рядом с ней ни спутника, ни спутницы, ни детей. Одиночка? Или Миле просто не удавалось напасть на след ее личной жизни? Да и не больно надо. Не станет же она сторожить эту даму у окна!

Задернув шторы поплотнее, Мила прошлепала босыми ногами в кухню. Выпить, что ли, сока? Кажется, оставалось еще полпакета ананасового...

Со стаканом в руке Мила опустилась на мягкий диванчик. От взмаха полы ее халата на пол с шелестом соскользнули пестрые рекламные листовки, которые теперь пачками суют в почтовые ящики, потом посыпались журналы и газеты. Мила сгрэбла все это ногой в неопрятную кучку. Среди разноцветных листков мелькнул белый конверт. Надо же! Она и не заметила письма, когда, вернувшись вечером домой, небрежным жестом бросила ворох бумаг на диванчик

в общую кучу. Та-а-ак... Посмотрим, от кого же оно? Мила давно не получала писем, если не считать деловых, которые, как правило, были электронными. Нынче эпистолярный жанр не в почете. Куда проще послать SMS, нежели париться, складывая слова в связный текст.

Конверт оказался надорванным. А листка с письмом в нем не было. Мила щелкнула выключателем бра и зажмурилась от яркого света. Открыв глаза и проморгавшись, она посмотрела на адрес отправителя: Санкт-Петербург... улица Оружейная... Сельвинская Д.А... И кто же это такая... Сельвинская Д.А.? У нее нет таких знакомых. И потом... где же письмо?

Мила с недоумением повертела конверт в руках. Ее взгляд упал на фамилию получателя. Кому... Романцу Олегу Станиславовичу... Романцу? А адрес? Олег ведь здесь не прописан... Правильно... На конверте и написан адрес Олега – Малый проспект Васильевского острова. То есть это он, Романец Олег Станиславович, принес сюда конверт... Зачем? Видимо, очень торопился выйти из дома, сунул письмо в карман, а прочитать смог только здесь, у нее.

Интересно, что же это за Сельвинская Д. А.? Д... Дарья? Дина? Диана? А может быть, сама Дульсинея... Санкт-Петербургская? Мила почувствовала, что опять наливается мучительно горячей ревностью. Что же это получается? Получается, что Олег переписывается с какой-то Дульсинеей втайне от нее, Милы? Конечно, втайне! Иначе в конверте на-

ходил бы и листок, само письмо! А раз его нет, значит, в нем было что-то компрометирующее Романца! Но в таком случае он должен был бы уничтожить и конверт... А он... он... А он так взволновался, прочитав письмо, что про конверт забыл! Ну ничего... Завтра же она спросит его, что это еще за Дульсинея? Или, может быть, не стоит тянуть до завтра? В конце концов, можно прервать его младенческий сон и сейчас же спросить: кто эта женщина и почему конверты от ее писем валяются у Милы в кухне. Нет... Это как-то не того... нехорошо... Лучше завтра... Да, но как заснуть сегодня?

Мила покопалась в аптечке, обнаружила тубус снотворного средства, в котором осталось две таблетки. Она вытряхнула их на ладонь, потом сразу обе сунула в рот, запила их ананасовым соком и пошла спать.

* * *

– Я вчера... случайно нашла письмо... – самым безразличным голосом сказала Мила, подавая Олегу на завтрак вместе с горячими бутербродами, которые он обожал, конверт от письма Дульсинеи. – Тут... на кухне... завалилось... Оно тебе нужно? А то, по-моему, пора выбросить всю эту кучу... – И она кивнула на яркую стопку журналов, газет и рекламных листовок.

Олег, быстро оглядев конверт, порвал его на четыре части,

кинул обрывки на диванчик.

– Выбрасывай, – сказал и с аппетитом вонзил зубы в румяный хлеб.

Миле показалось, что безразличие к конверту и отменный аппетит были показушно наигранными.

– А кто эта... Сельвинская? – не выдержала Мила. – Я ее знаю?

– Вряд ли... – невнятно проговорил Олег, продолжая жевать. – Это всего лишь заказчица.

– Ты состоишь в переписке с заказчицами?

– Не состою, – буркнул Олег и налил себе еще кофе.

Мила понимала, что еще один вопрос на тему, которую он явно не желал обсуждать, будет ему неприятен, но остановиться не могла.

– Ага, значит, это заказчицы пишут тебе безответные письма, – с сарказмом заметила она и откусила кусок бутерброда с сыром, который, растаяв внутри румяных хлебных кусочков, теперь тянулся длинными вязкими нитями, не желающими обрываться.

– Мила! Прекрати! – сердито сказал Олег. – Ты заставляешь меня оправдываться перед тобой, хотя я ни в чем не виноват. Сельвинская Дарья Александровна заказала у меня вечернее платье, а в письме просила сильно не торопиться с выполнением заказа, поскольку на десять дней ложится в больницу. Из-за этого не сможет прийти и на примерку, которая намечена на следующий четверг.

– Олег! Не держи меня за идиотку! – сорвалась она. – Имеется с десяток других способов связаться с тобой и твоим ателье: телефон, факс, Интернет! Какой дурак станет сейчас пользоваться почтой, когда надо передать срочное сообщение?!

– Дарье Александровне за семьдесят, и ей не нравятся современные способы связи.

– Но почему письмо написано на твой домашний адрес, а не на адрес «Силуэта»? Откуда она знает твой адрес на Васильевском?

– Представь, она даже заказывать наряд приезжала ко мне на дом! – Олег весело улыбнулся.

– Но почему? – Мила постаралась спросить спокойно, хотя его веселье в такой ситуации показалось ей мало уместным.

– Потому что она – приятельница моей родной тетки! Между прочим, они вместе и приезжали!

– Ага! Семидесятилетней карге вдруг понадобилось вечернее платье!

– Зря ты так, – невозмутимо ответил Олег и шумно отхлебнул кофе. – Дарья Александровна большую часть жизни проработала на телевидении и выглядит не хуже Эдиты Пьехи. Как, кстати сказать, и моя тетка! А платье госпожа Сельвинская заранее заказала на собственный юбилей, который будет проходить, между прочим, в одном из залов телецентра на известной всему Питеру улице Чапыгина.

– И ты предлагаешь мне в это поверить? – некрасиво взвизгнула Мила.

– А почему бы нет?

– А где тогда само письмо?!

– То есть ты намеревалась с ним ознакомиться, но не получилось? – опять улыбнулся Олег.

– Намеревалась... да... – пришлось признаться совершенно сникшей Миле. – ...Потому что я... потому что мне... странны эти посторонние конверты...

– Перестань, Милка! – расхохотался он. – Нет никаких посторонних конвертов! Есть всего лишь один-единственный! От почти семидесятипятилетней бабульки! Очень эффективной, но все же – именно бабульки!

Олег бросил огрызок бутерброда в тарелку, вытащил Милу из-за стола и впился в ее губы своими, пахнущими кофе и поджаренным хлебом. Она, тут же забыв о том, что только что собиралась всплакнуть, страстно ответила ему. Конечно, им обоим, имеющим собственное дело, можно было не спешить на службу с раннего утра, как рядовым петербуржцам, но неотложные дела требовали и их присутствия на рабочих местах, а потому Мила первой вывернулась из объятий своего возлюбленного.

– Нет, ты все-таки скажи... – Олег опять взял ее в кольцо своих рук. – ...ты веришь, что Дарье скоро будет семьдесят пять, а потому она меня как женщина совершенно не интересуется?!

– Верю, – интимно прошептала Мила, которая сейчас была готова поверить даже в то, что вообще все, как одна, клиентки его «Силуэта» являются семидесятилетними старухами.

– А в то, что я люблю только тебя?

– Да... Только меня... Конечно же, я верю...

* * *

Историю с письмом Дарьи Александровны Сельвинской Мила поведала своей лучшей подруге и компаньонке Гелене Короленко в этот же день за обедом. После рассказа, который опять ее неумеренно взволновал, она задала Геле законный вопрос:

– Ну и что ты думаешь на этот счет?

– А чем тебе не нравится объяснение Романца? – удивилась подруга.

– Не знаю... Ревность меня мучает, понимаешь?! Страшная, глухая и... бесконечная... Пока он меня обнимал, я свято верила в семидесятипятилетнюю заказчицу. А едва растались, тут же опять накатило... как цунами... В общем, ты меня понимаешь...

– Нет, не понимаю! Что тебя так сильно обеспокоило?!

– Слишком уж он равнодушно порвал этот конверт!

– Может быть, не слишком, а просто равнодушно?

– Нет... Я сейчас это особенно отчетливо вижу... Вот я

ставлю себя на его место и...

– И что?

– Ну... Я думаю, как бы я среагировала на то, если бы Олег нашел у меня конверт от мужчины...

– И как же? – усмехнувшись, спросила Геля.

– Я сразу принялась бы объяснять, что, мол, это деловое письмо, а он...

– А что он?

– А из него пришлось все вытягивать... И потом, я не стала бы уничтожать само письмо!

– С чего ты взяла, что он его уничтожил?

– Его ведь не было в конверте!

– Мало ли... Письмо, кстати, может валяться у тебя же... в какой-нибудь другой куче бумаг...

– Ты думаешь?

– А что? Такой вариант не исключен, – ответила Геля и остановила машину у подъезда Милиной фирмы под названием «Ива».

– Но у меня нет другой кучи... – задумчиво возразила Мила.

– Есть! На твоём журнальном столике всегда полно всякой ерунды!

– Вообще-то... да... Ты, как всегда, права... Хоть прямо сейчас... езжай и проверь...

– Ну... если хочешь, давай съездим... Только...

– Что?

– Так девчонки ведь ждут. Ты обещала, что мы выплатим им зарплату сразу после обеда.

– Точно! Чуть не забыла! Но как только деньги выдашь, так уж... рванем, Гелька! А то я до вечера не выдержу!

Гелена кивнула. Ее стильная белокурая стрижка слегка качнулась, и подруги вышли из машины.

* * *

Мила с Гелей минут десять в четыре руки самым тщательным образом перебирали бумаги и журналы. Но никакого письма обнаружить им так и не удалось.

– Вообще-то, смешно, если бы оно здесь нашлось, – вздохнув, сказала Мила. – Если у Олега рыльце в пушку, так он должен был перевернуть все бумаги на журнальном столике, раз уж я нашла конверт в подобной же куче на кухне. А может, он вообще сразу уничтожил письмо, да и концы в воду...

– Мне все-таки кажется, что ты напрасно подозреваешь своего Романца в неверности. Письмо наверняка самое невинное, а потому он мог засунуть его в любое место. Например... в карман пиджака или брюк.

– Да-а-а... пожалуй, ты опять права... – Мила вскочила с дивана, на который только что опустилась в полном изнеможении, и бросилась к шкафу.

– Ты чего? – удивилась Геля.

– Иди сюда! Мы с тобой сейчас вывернем все его карманы!

– Не надо, Милка... Обыск – это как-то... не очень красиво...

– Не скажи! Все средства хороши, чтобы не оказаться в дураках... вернее, в дурах...

– Ну... смотри... как бы чего не вышло... – пробормотала Геля и присоединилась к подруге.

В карманах одежды Олега письма тоже не оказалось. Раскрасневшаяся Мила, яростно хлопнув дверцей шкафа, выскочила в коридор.

– Ты куда? – крикнула ей вслед подруга.

– В коридоре есть еще его одежда! – отозвалась Мила.

– Прекрати, Милка! Одежда, в которой письмо, вполне может оказаться в его собственной квартире на Васильевском!

Мила не отозвалась.

– Э-э! Мил! Ты чего там затихла? – опять крикнула Геля и выбежала в коридор.

Мила читала бумагу, которую держала перед собой в подрагивающих руках. Ее лицо было тусклым и безжизненным. Только губы слегка шевелились да глаза скользили по строчкам.

– Что это? – осторожно спросила Геля.

Взгляд Милы остановился. Лицо окаменело. Геля хотела вытащить исписанный лист из руки подруги, но та ловко увернулась.

– Что это? – опять была вынуждена спросить Геля. – Неужели все-таки письмо?

– Письмо, – очнулась Мила и, небрежно смяв его, сунула обратно в карман куртки Олега, потом поколебалась немного, снова вытащила и спрятала в карман собственного пиджака.

– А ты не горячишься? – спросила Геля. – Вдруг он будет искать это письмо!

– Пусть думает, что потерял или... В общем, пусть что хочет, то и думает!

– Ну а что в нем все-таки написано?

– В общем, из этой писанины ясно, что... – Мила болезненно поморщилась, прямо в кармане с силой скомкала лист и с отчаяньем выкрикнула: – Гелька!!! Он мне все-таки изменяет!!

– С этой семидесятилетней Дарьей?

– Конечно же, ей не семьдесят!

– А сколько?

– Не знаю, но они с Олегом – любовники. В этом теперь нет никаких сомнений.

Сжимая в кармане чужое письмо, Мила побрела в комнату, где так тяжело опустилась на диван, будто семьдесят пять лет было ей. Геля поспешила за подругой, с тревогой заглянула ей в лицо и сказала:

– Зря не даешь мне прочитать...

– Не зря...

– Ну... а вдруг ты что-нибудь не так поняла!

– Я все поняла правильно... – Мила вскинула на подругу несчастные глаза и сказала: – И ведь как он виртуозно врал! Ответы на все мои вопросы у него рождались мгновенно!

– Например?

– Например, я его спросила, почему эта... якобы старушка Дарья... не позвонила ему по телефону, а написала письмо? Он сказал, что она ввиду преклонного возраста не любит современные средства связи.

– Ну?..

– Ну а письмо, между прочим, набрано на компьютере. И остается непонятным, почему оно все-таки послано по почте?

– А как оно должно быть послано? Оно же – письмо...

– Если уж его набирали на компьютере, могли бы и послать в электронном виде... – сказав это, Мила будто очнулась, соскочила с дивана, вытащила с книжной полки справочник «Весь Петербург» и принялась лихорадочно его листать.

– Что ты делаешь? – удивилась Геля.

– Хочу позвонить на телевидение!

– Зачем?

– Чтобы узнать, собирается ли бывшая их сотрудница праздновать в телецентре свой юбилей в ближайшее время!

– И зачем тебе это надо? Ты же выяснила, что ей не семьдесят!

– Еще не знаю, зачем... Но я должна знать все про эту... Сельвинскую...

Мила подскочила со справочником к телефонному аппарату. Геля в один прыжок оказалась рядом с подругой и вырвала у нее трубку.

– Давай лучше я! – крикнула она. – А то ты сейчас на нервной почве наговоришь какой-нибудь ерунды!

– Да... пожалуй... – согласилась Мила. – ...Лучше ты... У меня даже голос дрожит... Ты не находишь?

– Нахожу! Диктуй номер!

– Алло! Это телевидение? – официальным металлическим голосом начала Геля. – С вами говорят из газеты... «Санкт-Петербургские ведомости»...

Мила удовлетворенно кивнула – ей понравилось, как подруга себя отрекомендовала, а та бойко продолжала:

– Мы хотели бы присутствовать на чествовании вашей сотрудницы... э-э... Сельвинской Дарьи Александровны... Да-да... Именно Сельвинской... Что? У вас нет такой сотрудницы?.. Как нет? Говорите, и никогда не было?.. И никакого чествования Сельвинской не намечено?.. И вообще никакого юбилея в ближайшее время... То есть вы хотите сказать, что у нас ложная информация?.. Не может быть! Да-да... я поняла, что вам незачем меня обманывать... что вы всегда рады прессе... Конечно-конечно... спасибо... извините...

Геля положила трубку и, стараясь не глядеть подруге в глаза, спросила:

– Ну? Ты все поняла?

Мила с жалким видом кивнула.

– Значит, твой Романец действительно врал про старушку. Никакая она не старушка.

– После письма я в этом и так не сомневалась.

Геля нервно простучала пальцами по столику нечто очень ритмичное, а потом предложила:

– А давай я схожу по адресу, который указан на конверте.

– Зачем? – удивилась Мила.

– Чтобы посмотреть этой Сельвинской в лицо! Можно, кстати, в него заодно и плюнуть! На какой она улице живет? Запомнила?

– Улицу-то я запомнила – Оружейная, но вот дом и квартиру... я не то чтобы не запомнила, я на них и внимания-то не обратила...

– Жаль... А сам конверт где?

– Олег его порвал, а потом... Черт!!! Куда же он делся потом?

Мила опять резко вскочила с дивана и бросилась на кухню.

– Его нет!!! – крикнула она оттуда.

Геля вынуждена была отправиться к подруге.

– Вот гляди... – Мила потрясла стопкой рекламных листовок, которые держала в руках. – ...Журналы с рекламой так и лежат кучей, а конверта – нет! Быстренько Олежек прибрал обрывки!

Подруги молча посмотрели друг на друга. Геля некоторое время в задумчивости кусала губы и наконец изрекла:

– Предлагаю тебе сходить в какое-нибудь частное сыскное агентство!

– Зачем? – изумилась Мила.

– Ну... пусть они узнают, кто такая эта Сельвинская и какие отношения связывают ее с Романцом!

– И так ясно, какие...

– Не скажи! Если Олег влюблен в эту Дарью, то совершенно непонятно, почему он еще и с тобой спит? Что ему от тебя надо? Разве ты богатая наследница какого-нибудь олигарха?

– Нет... но «Ива»...

– Конечно, твои ткани несколько раз брали призы, но ты же не имеешь такой известности, как Олег! Разве к тебе записываются в очередь?

– Нет...

– Текучка кадров нас с тобой замучила?

– Замучила.

– Бывает, что девкам платить нечем?

– Бывает...

– Так на что ему, преуспевающему модельеру, головная боль от нашей «Ивы»? Он только пальчиком пошевелит – и у него готов наряд королевы, за который все питерские богатенькие прошмандовки готовы друг другу горло перегрызть! А чтобы продать твои изделия, еще побегать надо со взмыленной шеей! Согласна?

– Согласна...

– Еще бы не согласиться! Ты Романцу жена?

– Не жена...

– Общих детей, о которых я не знаю, у вас нет?

– Нет...

– Почему он тогда тебя не бросает, да еще и врет в глаза, будто любит? Он ведь тебе врет?

– Ну-у-у... до сих пор мне казалось, что он говорит правду...

– Ничего подобного! Мне ли не знать, что ты его всегда подозревала в связях с другими женщинами и постоянно мучилась ревностью! Как только вы познакомились, ты сразу принялась его ревновать! Разве не так?!

– Можно подумать, что ты не ревновала бы такого мужчину, как Олег! – буркнула Мила, щелкнула кнопкой электрического чайника и спросила подругу: – Чаю выпьешь?

– Чаю я, конечно, могу выпить, – ответила та, усаживаясь на крутящуюся табуретку поближе к столу, – но дела это не поправит! Я рада, что ты не валяешься в обмороке и вполне способна к решительным действиям.

– Это ты о частном сыске? – спросила Мила, доставая из холодильника коробку с фирменными Санкт-Петербургскими мини-пирожными.

– О нем самом, – ответила Геля, сильно вытянув шею, чтобы сквозь прозрачное пластиковое окошечко в крышке ей было виднее, сколько в коробке осталось маленьких пирож-

ных. Их было достаточно, и Геля удовлетворенно кивнула.

Мила сняла с коробки крышку с окошечком, выложила на блюдечко две крохотных корзиночки, столько же эклерчиков, три буше и подвинула все это богатство подруге. Геля довольно улыбнулась, сразу запихнула в рот корзиночку с розочками из старого доброго масляного крема и с набитым ртом спросила:

– Так што ты думаешь о шастном сыске?

– Я не знаю ни одного агентства, – отозвалась Мила, которой вовсе не хотелось об этом думать. Одно только сочетание «частный сыск» вызывало в ее мозгу ассоциации со старинным английским детективом.

Геля сделала хороший глоток чая и радостно сообщила:

– Зато я знаю!

– Откуда?

– Не поверишь, Милка, но сегодня... – Она покопалась в собственной сумке и вытащила обрывок рекламной газеты. – ...я искала объявление о персах...

– О персах?

– Ну... о продаже персидских котят... Ты же знаешь, Танюшка давно клянчит... Я ей сдуру пообещала подарить на двенадцатилетие, а она, вот ужас, не забыла... Придется держать обещание. Вот видишь, я даже обвела фломастером: «Котята, голубые персы...» А рядом... Гляди: «Агентство „Шерлок Холмс“!»! Название, конечно, не фонтан, без фантазии... зато они обещают именно то, что нам надо: «Част-

ный сыск. Умеренные цены. Полная конфиденциальность гарантируется».

– Гель! Ну что я скажу этому Холмсу? – Мила так шваркнула чашкой о блюдечко, что от того откололся аккуратный маленький серпик и отлетел в сторону раковины. Подруги проследили за его полетом, а потом Геля ответила:

– Скажешь, что хочешь выяснить, почему тебе изменяет известный питерский модельер Олег Романец, вместо того, чтобы взять да и бросить.

– Знаешь, Геля, что-то мне не хочется рассказывать на каждом углу, что Олег мне изменяет.

– А ты и не на каждом! Ты скажешь это только в агентстве, которое гарантирует конфиденциальность, причем, заметь, за деньги! Рассказать сыщику о неверности собственного возлюбленного, это, если хочешь знать, все равно, что раздеться перед врачом!

– Ты не понимаешь, Геля... Если бы Олег был простым мужчиной, которого никто не знает... Ты только представь, какими глазами посмотрит на меня этот Шерлок Холмс, когда я скажу, что живу с Романцом...

– Если он традиционной ориентации, то, уверяю тебя, ему на это наплевать.

– Нет, я не про то... Он, глядя на меня, почти никому не известную женщину, наверняка скажет: «А что же вы хотите, гражданочка? Кто ваш Романец и кто вы! Я о вас, например, даже и не слышал!»

– Согласна, что он вполне может так подумать. Думать никому не возбраняется. Но ничего такого он тебе не скажет, потому что не участковый милиционер, а частный сыщик! Ему плевать, кто с кем живет, лишь бы почаще изменяли друг другу, чтобы у него работенка не переводилась!

– Гель! А если у меня денег не хватит? – начала сдаваться Мила.

– Ну... что-нибудь придумаем... Найдем, короче говоря... Или мы с тобой не частные предпринимательницы!

Мила чуть раздвинула в улыбке губы и положила подруге на блюдечко еще пару маленьких эклерчиков.

* * *

Олег по-прежнему вел себя так, будто бы любил одну лишь Милу и не имел в заглавнике еще и весьма моложавую Сельвинскую Дарью Александровну. Миле очень хотелось бросить ему в лицо, что ей кое-что известно про эту Дарью и очень скоро станет известно еще больше. Она сдерживалась с большим трудом. Конечно, бывали счастливые минуты, когда она вообще не вспоминала о сопернице, поскольку, изнемогая от любви, таяла и плавилась в объятиях знаменитого питерского закройщика дамского платья. Но как только тело Милы восстанавливало свое агрегатное состояние, ее душу опять начинала язвить ревность.

Встреча с частным сыщиком агентства «Шерлок Холмс»

была назначена на полдень пятницы. Уже с утра этой самой пятницы Миле было так не по себе, что она умудрилась сжечь в микроволновке любимые Олеговы закрытые бутерброды, поскольку задала не тот режим. Совершенно не огорчившийся этим Романец съел на завтрак классические холодные бутерброды с сыром и даже без масла, чмокнул Милу в щеку и уехал в свое ателье. Покладистость Олега опять показалась ей подозрительной. Любой другой мужчина хотя бы презрительно покрутил носом от запаха горелого хлеба. А этот что? Можно подумать, будто ему не противно, что вся одежда пропиталась гарью, как на пожаре! Гелька права: очень странно, что Романец готов терпеть даже Милину горелую еду, несмотря на то, что у него есть еще одна женщина. Уж та ни за что не допустила бы такой утренней оплошности, потому что наверняка мечтает, чтобы Олег завтракал именно с ней на одной кухне. В чем же дело? Зачем Романцу в придачу к Людмиле Леонидовне Ивиной еще и Сельвинская Дарья Александровна?

Стоп!! Хватит думать о Сельвинской! Так можно сойти с ума и не дотянуть до встречи с «Шерлоком Холмсом»!

Мила не хотела в пятницу ехать на фирму, но теперь понимала, что стоит сделать именно это. Ей непременно надо отвлечься от тяжелых дум. Где же это еще можно сделать, как не в «Иве»?

...В общей сложности на создание своего бизнеса у Милы

ушло около десяти лет. Сейчас ей было уже очень хорошо за тридцать, но она не только никогда не была замужем, но почти не имела опыта общения с мужчинами. Все ее силы, физические и душевные, занимало любимое Дело. Да-да, если уж говорить о нем, то только так – с большой буквы.

Все началось еще в институте, где Мила училась на факультете декоративно-прикладного искусства, специализируясь на технологии производства текстильных изделий. Однажды один из преподавателей привез из поездки по Марокко удивительной красоты декоративную ткань. Ее нити были переплетены так необычно и странно, создавали такой нестандартный, слегка мерцающий узор, что студентка предпоследнего курса Людмила Ивина перестала спокойно спать. Она поставила себе цель – разгадать секрет изготовления ткани марокканских мастеров. Вместо того, чтобы гулять по городу прозрачными белыми ночами и целоваться с молодыми людьми в их призрачном мареве, она просиживала над подаренным ей кусочком ткани, разбирая его по отдельным ниточкам и пытаясь записать алгоритм их переплетения.

Когда недолгое питерское лето сменилось гнилой промозглой осенью, Людмила Ивина, студентка последнего курса института, смогла наконец воспроизвести ткань, ничуть не уступающую по красоте марокканской. Тема дипломной работы была предreshена: «Технология изготовления ткани по образцам марокканского текстиля». Понятно, что диплом был признан лучшим на курсе, а Миле предложили аспи-

рантуру и работу на кафедре. Она отказалась. Учиться – чему? У кого? Тщательное изучение ткани из Марокко и ее повторение обогатило выпускницу факультета декоративно-прикладного искусства таким бесценным опытом, которого не имели даже многие ее институтские преподаватели. Мила уже не просто знала, как делаются ткани. Она их чувствовала. Она приходила в необыкновенное, ни с чем не сравнимое возбуждение, когда покупала шерстяную или синтетическую пряжу для своих работ. Ей не нужны были поцелуи и ласки мужчин. Она входила почти в чувственный экстаз, когда ощупывала руками шершавые нити и представляла, как на самом примитивном учебном оборудовании они сплетутся в замысловатый узор, рождая прекрасное полотно.

Миле хотелось изобретать и творить новые ткани самостоятельно, без ограничения сроков, одобрения или неодобрения преподавателей. Но в 1990 году, когда она окончила институт, свободные художники все еще считались тунеядцами и гниющими язвами на теле социалистического общества. Очень скоро девушка поняла, что у нее элементарно нет денег на покупку даже самой дешевой синтетической пряжи. Кроме того, родители довольно навязчиво повторяли ей навязшую в зубах фразу, что жить в обществе и быть свободным от него нельзя. Ее авторскими разработками они восхищаться не могли, поскольку ничего не понимали в текстиле. Отец настойчиво советовал Миле выбросить из головы андеграундную дурь и поступить наконец работать на какую-ни-

будь ткацкую фабрику сменным мастером. Она устроилась оператором котельных установок. Ее работа – два через два – заключалась в том, чтобы каждый час снимать показания приборов, записывать их в специальный журнал и быть готовой вызвать работников аварийной службы «если вдруг что». В свободное от записывания показаний время и в сдвоенные выходные Мила занималась любимым делом. В котельной она напряженно мыслила, чертила схемы и чуть ли не выводила формулы особого переплетения нитей. Дома на допотопном станочке, который она, еще будучи студенткой, с двумя (и единственными) парнями их курса, Мишкой Тропининым и Аликом Завальнюком, соорудила из подручных материалов в собственной комнате, Мила претворяла задуманное в жизнь, пользуясь самой захудалой, плохо прокрашенной пряжей и пытаясь представить, как все это будет выглядеть, когда она сможет купить настоящую яркую шерсть или шелк.

Когда грянула перестройка, Миле повезло. В самый разгар перестроечных мероприятий, скооперировавшись с теми самыми двумя бывшими однокурсниками, с которыми сделала незамысловатый ткацкий станок, Миле удалось почти за бесценок, да еще и в долгосрочный кредит, приобрести оборудование на одной из вмиг разорившихся ткацких фабрик. На паях, с теми же Мишкой и Аликом, Мила сняла заброшенное подвальное помещение в здании местного ЖЭКа. На неуклюжем, здорово проржавевшем агрегате

она принялась доводить собственные «котельные» разработки до конкурентоспособного состояния.

Работа продвигалась медленно. Не было качественного сырья и красителей. Новая ткань, изобретенная Милой, разваливалась или сразу, на выходе из станка, или после стирки. Сначала от группки предпринимателей новой формации откололся Мишка. Он ударился в челночные поездки по зарубежью и в конце концов построил собственный торговый бизнес, ничем не связанный с полученным в институте образованием. В один присест он переманил к себе проверенного временем друга Завальнюка. Ребята довольно долго уговаривали и Милу бросить идиотские тряпки-нитки и присоединиться к выгодному, плодоносящему делу, но она отказалась. Тогда друзья-предприниматели выкупили подвал с оборудованием, широким жестом подарили его подруге суровой юности и с головой окунулись в бушующий океан торговли.

Мила осталась одна, ничуть не огорчившись этим. Мишка с Аликом ее вечно торопили и дергали, потому что жаждали успеха и процветания быстро и сразу. И их можно было понять. Мишка уже был женат, и его растущая семья требовала денег. Алику самому хотелось красиво одеваться, вкусно есть и ездить на престижной иномарке. Миле не надо было ничего. Она все еще работала в той самой котельной, что позволяло ей худо-бедно содержать себя и продолжать заниматься тем, что составляло смысл ее жизни.

В один из законных отпусков у Милы вдруг все получилось. Ткань, над которой она работала с момента окончания института, не развалилась даже после того, как она постирала ее образец руками с самым дешевым хозяйственным мылом, а потом еще и в стиральной машине с порошком. Окрыленная успехом, она позвонила Мишке. Тот обещал помочь с качественной пряжей.

С декоративными панно, изготовленными из особого вида гобеленовых тканей со сказочным переплетением нитей, Мила начала выставляться в художественных салонах, возникших тогда в Питере в бесчисленном множестве, а потом и на выставках. Ее панно охотно покупали и даже делали заказы. Все тот же Мишка, вернее, уже Михаил Петрович Тропинин, известный питерский бизнесмен, заказал ей гобеленовый триптих для оформления собственного кабинета и два больших панно: один для городской квартиры, другой – для дачи. Алик Завальнюк успехами Милы вскоре совсем перестал интересоваться, поскольку откололся от Тропинина, занявшись каким-то своим делом, и затерялся в многомиллионном мегаполисе среди предпринимателей средней руки.

Людмила Леонидовна Ивина продолжала работать над совершенствованием своих панно, и очень скоро стену небольшого художественного салончика, который она организовала не без бескорыстной помощи Тропинина, уже украшали несколько дипломов престижных выставок изделий из декоративного текстиля. Мила уже как раз начала маяться от то-

го, что жизнь становилась несколько однообразной и малоинтересной, когда к ней в салон забрела ярко и модно одетая молодая женщина. Внимательно ознакомившись с выставленными на продажу и на обозрение работами, она подошла к Миле и спросила:

– Вы у кого-то покупаете то, что выставляете, или изготавливаете сами?

– Конечно, сама, – не без гордости ответила Мила.

– Тогда, может быть, вы сможете сделать в этой технике шаль?

– Шаль?

– Ну да... Большой платок. Хотелось бы с длинными кистями.

– А кисти хорошо бы разной длины... – мгновенно включившись, начала изобретать Мила.

Тут уже пришла пора удивляться заказчице:

– Разной длины?

– Ну да... смотрите... – Мила на первой же попавшейся бумажонке изобразила шаль с разновеликими кистями. – Но потом все кисти окажутся одной длины, потому что к коротким можно... – Задумавшись, она замолчала.

– И что же можно сделать с короткими кистями? – подстегнула ее вопросом посетительница.

– А к коротким кистям... – владелица художественного салона улыбнулась и сказала: – Вы даже не представляете, как меня зажгли! Позвольте сделать то, что пришло в голову!

Если вам не понравится, то я сделаю другую шаль, какую попросите... и... бесплатно... Идет?

Женщина не могла не согласиться, как потом не смогла отказаться от того, что сотворила Мила. Шаль оказалась черной с голубыми нитями и – сказочно прекрасной. На ней сплетались в удивительно гармоничный узор стилизованные цветы, листья и стрекозы. Кисти Мила сделала, как и задумывала, разной длины. К коротким привязала изготовленные по собственной технологии тканые цветы с длинными тонкими тычинками.

– Потрясающе... – выдохнула восхищенная заказчица. – Я даже не ожидала, что так получится... Вот уж эксклюзив – так эксклюзив!

– Я и сама не ожидала! – подхватила Мила. – И очень рада, что вам понравилось!

– И сколько же эта красота стоит?

– Нисколько. Я вам эту шаль дарю.

– Но почему?! Это же... нерационально!!

– Еще как рационально! – рассмеялась Мила. – Вы подсказали мне новое направление деятельности, за что я вам бесконечно благодарна.

– Вы теперь будете делать шали? – несколько ревниво спросила женщина.

– О! Не беспокойтесь! Ваша шаль останется эксклюзивной. Мне неинтересно повторяться.

Женщина, которая подсказала Миле новое направление в

ее работе, вскоре стала лучшей подругой, а потом ее помощницей и правой рукой. Стройная и красивая блондинка Гелена Короленко стала и моделью, на которую Мила сшила первое вечернее платье, изготовленное все из той же изобретенной ею ткани, только несколько модернизированной: облегченной и менее выпуклой.

После оглушительного успеха на Fashion-Week Saint Petersburg, где модели вечерних платьев, юбок и шалей из авторской ткани «Ива» были встречены бурными аплодисментами, на Милу посыпались заказы не только из России, но и из-за рубежа. Подруги вынуждены были набрать несколько сотрудниц для помощи в создании ткани. Геля Короленко, экономист по образованию, освободила Милу от решения финансовых вопросов, и глава салона авторской ткани «Ива» полностью погрузилась в творчество и организаторскую деятельность.

Но поток заказов, который, как казалось, положил начало процветанию фирмы Людмилы Ивиной, как-то быстро иссяк. Авторские ткани были дорогими и очень уж нестандартными. Их покупали не очень бойко. Мила решила «отшлифовать» способности своих работниц, чтобы по возможности сократить сроки производства ткани, что удешевляло ее. Несколько «отшлифованных» сотрудниц тут же дали тягу, чтобы начать разрабатывать эту золотую жилу самостоятельно. Мила огорчилась, что потратила на неблагодарных девочек уйму драгоценного времени, но не более того. Она

уже давно крутилась в бизнесе и очень хорошо знала, что такое утечка информации, а потому никому не раскрывала секрет своей технологии до конца. Сбежавшие работницы «Ивы» могли создать ткань, подобную Милиной, но она у них непременно развалится после первой же стирки, но, скорее всего, сразу на выходе со станка. Все это Мила уже проходила и потому не боялась плагиата. Если даже предположить, что кто-то самостоятельно додумается до того, до чего когда-то додумалась она, все равно ее ткани останутся ее тканями. Плагиаторы будут стремиться заработать деньги, а Мила всегда вкладывала в свою работу душу. Ее собственные ткани и наработки плагиаторов будут существенно отличаться друг от друга и, без сомнения, в Милину пользу.

Полтора года назад на одном из конкурсных показов вечерних туалетов «Поэзия классики», проходящем в Эрмитажном театре, Мила познакомилась с Олегом Романцом. Он представил коллекцию под названием «Лунный свет» из струящегося темно-синего шелка, будто опутанного сетями серебряных нитей, унизанных сверкающими стразами. В перерыве искушенный питерский бомонд уже поздравлял Романца с грядущей победой, однако все еще мало известная широкой публике Людмила Ивина, которая показала свои модели во втором отделении, лишила Олега всякой надежды на Гран-при. Ее коллекция «Лебединое озеро» повергла знатоков в шок. Платья, которые казались сделанными из пуха и нежнейших перышек, на самом деле были сшиты из

Мишиной авторской ткани. После присуждения «Лебединому озеру» Гран-при сам Олег Романец галантно опустился перед ней на одно колено и поцеловал руку. На следующее же утро фотография, где поверженный Романец преклонил голову перед Людмилой Ивиной, появилась в каждой уважающей себя питерской газете.

После такого успеха автор декоративной ткани «Ива» была уверена, что уж теперь-то точно наступил ее звездный час и заказы хлынут неиссякаемым потоком. Не тут-то было. Ее салону сделали всего один заказ – изготовить птичьи костюмы для детского балета «Гадкий утенок». Разумеется, заказ был выполнен и даже хорошо оплачен, но Мила так и не стала непременным объектом светской хроники. Ее никто не узнавал, и телефон не разрывался от звонков желающих заказать себе вечерний туалет из авторской ткани «Ива». Мила не знала, что и думать. Возможно, она впала бы в депрессию от такого стойкого невезения, если бы не Олег Романец. На следующий же день после ее победы на конкурсном показе «Поэзия классики» он уже был гостем салона «Ива». Именно Олег помог Миле перенести мгновенное забвение тех, кто вроде бы вполне искренне рукоплескал ее моделям. И не столько тем, что продолжал восхищаться ее искусством и верил в замечательное будущее ткани «Ива», сколько тем, что, как Миле казалось, увлекся ею самой.

Разумеется, она поверила Олегу далеко не сразу. Несколько долгих месяцев потребовалась Романцу на то, чтобы Ми-

ла согласилась с ним только поужинать. Он считал, что Людмила здорово обижена каким-то подлецом, а потому больше не доверяет мужчинам. Он даже не мог предположить, что до встречи с ним эта уже далеко не юная женщина практически не знала любви. Не считать же за любовный опыт пару раз непонятно как случившийся торопливый и неинтересный секс с однокурсником Аликом, ныне куда-то бесследно сгинувшим. Самой трепетной любовью Мила любила свои ткани и с нуля созданный салон «Ива». Может быть, как раз именно то, что она не растрчивала душевные силы больше ни на что, кроме своей работы, и делало ее ткани такими неповторимо прекрасными.

Когда Мила поняла, что Романец ей очень нравится, она испугалась всерьез. Ей показалось, что интерес к Олегу является предательством по отношению к ДЕЛУ. Если она будет метаться между ним и Романцом, ничего хорошего не выйдет. Невозможно одинаково сильно любить творчество и мужчину. Будет страдать или творчество, или мужчина. Мила уже давно приносила себя в жертву любимой работе. Стоило ли теперь, когда она уже все-таки достигла кое-какого признания и успеха, ставить все это на карту ради сомнительных удовольствий от встреч с женщиной, на которые будет уходить уйма драгоценного времени?

– Ты мне скажи, Милка, неужели тебе не льстит, что за тобой увивается сам Романец? – как-то спросила ее Геля.

– Ну... я бы так не ставила вопрос... – пробормотала в

ответ смущенная Мила.

– А как бы ты его поставила?

– Не знаю... Мне некогда думать об этом, Геля... Неужели ты не видишь, насколько мне некогда...

– Глупости! Ты что, собираешься вечно жить в коконе из авторской ткани «Ива»?

– Я... Я не знаю...

– Смотри, Милка! Как бы потом не пожалеть!

– О чем ты? – почему-то испугалась Мила.

– О том, что Олега уведут у тебя из-под самого носа! – выдала ей лучшая подруга.

– Кто?

– Да хоть бы и я! – расхохоталась Геля.

– Ты?!!

– А что? Разве я так плоха, что не могу заинтересовать великого закрыйщика?

– Ты... ты не плоха... Ты очень даже хороша... Ты гораздо лучше, чем я, Гелька!

– Ну вот! Заметь, не я это сказала! А вдруг Романец, который последнее время все чаще и чаще трется возле нашей «Ивы», наконец разглядит и меня?

Увидев, как побелело Милино лицо, Геля расхохоталась еще громче:

– Да не пугайся ты так! Не нужен мне твой Романец! У меня собственный муж есть! И Танюшка! Забыла, что ли? Но про Олега я сказала серьезно! Каждая вторая модельер-

ша... о его клиентках я и не говорю... мечтает если уж не под венец с Олегом пойти, так хоть в постель к нему пробраться, а ты тут корчишь из себя... не пойми что...

После этого разговора Мила битый час просидела перед зеркалом. Да, по сравнению с яркой блондинкой Геленой она – обглоданная старая ворона. Мила приподняла темную прядь на виске. Так и есть – сплошные седые волоски! Столько, что уже и не выдерешь. А прическа! Какая кошмарная у нее прическа! Когда она перестала стричься? Почему? Что это за жалкий крысиный хвост? Нет, она не может нравиться Олегу. Он – красивый мужчина. И талантливый... У него тьма поклонниц и... наверно... куча любовниц... Зачем ему Людмила Ивина с крысиным хвостом? А может быть, Романцу нужна вовсе и не она, а ее бизнес? А что? К его таланту модельера да ее ткани... тут такого можно наворотить! Ведь она взяла кучу своих призов не благодаря крою и исполнению моделей, а из-за необычной фактуры ткани... А если Олег...

От такого страшного открытия у Милы пересохло во рту. Нет, Романец... Шалишь! Не на ту попал... Если что, она может обратиться за помощью и к Мишке Тропинину... Он пустит в ход все свои связи. А они у него уже ого-го какие... Но для начала Мила, конечно, попытается все выяснить сама. Да, надо наконец признаться себе в том, что Олег ей нравится... очень нравится... так нравится, что она готова, пожалуй, найти время для... Но... нет! Все же сначала дело!

Дождавшись, когда Романец опять пригласит ее поужинать, Мила уже не стала заставлять себя уговаривать. Перед рестораном она красиво постриглась, закрасив предварительно седые пряди тон в тон своему естественному, очень даже неплохому темно-каштановому цвету. На встречу с Олегом надела простое черное платье, на которое накинула воздушную золотисто-оранжевую шаль из собственной ткани «Ива». Гелька выдала ей из своих закровов массивные серьги из желтого металла – тоже штучной авторской работы. Покрутившись перед зеркалом, Мила решила, что такой вот, какой она выглядит сегодня, вовсе не стыдно принимать ухаживания Олега Романца. А то, что она должна еще провернуть некую операцию по обезвреживанию вражеского лазутчика, если Олег таковым является, придавало ей силы и смелости. У нее был большой опыт в решении сложных задач и преодолении препятствий. Трудности ее не пугали, а, наоборот, мобилизовали и даже молодили.

Мила видела, что Олега приятно удивила произошедшая с ней перемена.

– Вам очень идет эта прическа, – сказал он и опять, как в Эрмитажном театре, поцеловал ей руку. – А уж о вашей шали я и не говорю... Она – просто произведение искусства!

Ага! Шаль все-таки задела за живое! Что же ему более интересно: женщина или ее авторские ткани?

Как и всегда в решающие моменты, Мила была собранной, сосредоточенной и одновременно раскованно-остроум-

ной. Что же вы станете делать, Олег Романец, когда они допьют до последней капли кофе и доедят профитроли в пикантном соусе?

Усадив Милу после ресторана в собственный «Вольво» и не смотря ей в глаза, Олег сказал:

– Может быть, продолжим наш приятный вечер... у меня?

Миле хотелось рассмеяться. Еще бы! Где же его еще продолжать, как не у него? И, конечно же, в постели! Ну что ж! Она не станет себя беречь. Лучше потерять честь (хотя, если честно, она уже давно потеряна в объятиях однокурсника Алика), чем дело собственной жизни.

Квартира Романца оказалась самой обыкновенной. Ни зеркальных стен, ни раздвижных панелей, ни дизайнерских штучек для стиля. Обычная мебель, темные шторы. Все, как у самых рядовых российских граждан. Видя, с каким удивлением Мила озирается по сторонам, Олег сказал:

– Я так много времени провожу в мире гламура, что дома мне хочется иметь нечто, абсолютно ему противоположное и напоминающее родительскую квартиру, где мне всегда было хорошо и спокойно. Кофе хотите?

– Нет, мы только что его пили, – усмехнулась Мила. – И потом... вы ведь не кофе пить меня сюда пригласили, а потому... может быть, не стоит и тянуть...

Олег посмотрел на нее без всякого удивления и спокойно спросил:

– То есть вы хотите, чтобы все произошло без предисло-

вий и условностей?

– Конечно. Мы оба знаем, зачем я здесь нахожусь.

– Но я ведь не насильно привез вас к себе?

– Конечно, не насильно, – согласилась она, небрежно отбросила в сторону свою эксклюзивную шаль и, заведя руки за спину, начала расстегивать длинную «молнию» на узком платье.

– Я помогу, – глухим голосом отозвался он, и Мила почувствовала на спине его руки, потом дыхание где-то возле уха, а потом шею ожег поцелуй. Она застыла и онемела, а он, расстегнув наконец «молнию», спустил платье с ее плеч. Съежившись, с легким шелестом оно упало к ногам. Мила переступила через смятый черный шелк и обернулась. Он смотрел на нее с обожанием. Или с вожделением? Она скоро это узнает...

От длительного поцелуя у Милы закружилась голова. Что же он с ней делает? Зачем же он так... Алик делал это совсем по-другому... Мила не любила, когда он целовал ее в губы. А сейчас ей не хотелось, чтобы Олег отрывал от ее губ свои. Да что же это такое? Он колдун... Хитрый и коварный... Он знает, как соблазнять женщин, чтобы потом отнять у них душу и заодно... салон авторской ткани... Но Мила не так проста, как ему кажется... Она будет сопротивляться... Да... будет... потом... как-нибудь... В конце концов, салон пока еще остается в ее собственности, а его руки так горячи... А губы... Что же делают его губы? Разве мужчины целуют жен-

щин... туда... Это же неприлично... Зачем же она позволяет ему? Гелька ужаснется, когда Мила ей расскажет, что делал с ней Олег... А, собственно, зачем ей рассказывать? Это личное Милино дело, что позволять, а что не позволять мужчине. Тем более что у нее благородная цель – не дать Романцу завладеть ее «Ивой»... А ею, Милой, он... так и быть... пока может владеть... временно, конечно...

Странно все-таки... Раньше ей никогда не хотелось, чтобы ее телом так безраздельно владел мужчина... Она начала думать о том, что испытывает совершенно небывалые ощущения, если сравнивать их с теми, что остались у нее в памяти после тесного общения с однокурсником. Потом эта мысль затерялась где-то в глубинах Милиного мозга... Женщина не заметила, что перестала мыслить вообще. Она перестала также видеть и слышать. Она только чувствовала. Она стала бестелесной и невесомой. Она парила в красновато-золотых всполохах в напряженном ожидании чуда. И когда оно с нею случилось, когда опять пришло ощущение тела, содрогавшегося в сладостных судорогах, Мила заплакала.

– Что случилось? – встревоженно спросил тяжело дышащий Олег. – Я сделал тебе больно?

– Нет... нет... Мне никогда не было так... Я даже не в силах выразить то, что сейчас испытала... – с трудом, сквозь рыдания, проговорила Мила и опять залилась слезами.

Он прижал ее к себе и начал покрывать поцелуями лицо, трогательно шепча:

– Я люблю тебя, Милочка, люблю... Поверь... я не просто так тебя к себе привез... Я вообще никого никогда не привожу в эту квартиру... Она только моя... и будет твоя, если ты захочешь...

Несмотря на то, что тело еще помнило только что покинувшее его наслаждение, у Милы хватило здравомыслия не сдать Романцу и не зашептать ему ответные слова любви. Она еще не знала, правду ли он говорил, а потому спешить не было смысла. Кто знает, на что готов пойти деловой человек, чтобы завладеть бизнесом другого!

Но, несмотря на свое здравомыслие, Мила все-таки влюбилась. Она упрямо боролась с этим чувством и выжидала момент, когда можно будет наконец проверить, чего стоят ласки Романца и его красивые слова. Однажды, после того, как он очередной раз заговорил о любви, Мила задала вопрос «не в тему»:

– А может быть, нам, Олег, объединить бизнес?

– То есть? – не понял он.

– Что же тут непонятного? – Мила постаралась произнести это без сарказма в голосе. – У меня авторские ткани, у тебя – эксклюзивные модели! Представляешь, что может получиться, если мы объединим наши усилия!

Олег вскочил с дивана и нервно заходил по комнате, что Миле сразу не понравилось. Чего суесться, если у тебя не горят глаза на ее ткани!

– Неужели ты всерьез этого хочешь? – спросил наконец

Олег, прекратив бессмысленное метание.

– Да, хочу, – твердо ответила Мила, настороженно следя за выражением его лица. Оно выражало нечто, похожее на досаду. Странно... Казалось, надо бы радоваться... Или он понял, что она его проверяет?

Олег вернулся к ней на диван, взял ее руку в свою и начал говорить:

– Мила... понимаешь... мне кажется, что это... не есть хорошо...

Она выдернула руку из его ладони и резким голосом уточнила:

– Не есть хорошо – это значит – плохо?

– Да...

– Почему?

– Честно?

– Конечно же, честно!

– Ну... ты только не обижайся... но я против нашего объединения как партнеров по модельному бизнесу...

– Да почему же?

– Потому что твои ткани... они уникальны... Они сами по себе произведения искусства... Да я тебе уже не раз говорил об этом! Понимаешь, для одежды из них не надо никакого особенного кроя. Более того, выкрутасы бессмысленны и даже вредны... Платья должны иметь самые простые линии, чтобы не терялась ткань. Не случайно ты делаешь еще и шали, шарфы, палантины... Еще можно наладить производство

штор... покрывал... еще чего-нибудь такого, где ткань должна будет лежать или висеть сплошным полотном. А я... закройщик-фантазер, Милочка... Мне интересны новые возможности кроя, детали и даже их нагромождения. Твое искусство и мое... несовместимо... Понимаешь?

Конечно же, она все понимала, хотя в отличие от него считала, что детали из ее тканей вполне могли бы органично войти в его модели в качестве декоративных элементов. Но ее несказанно обрадовало то, что он, как оказалось, не покушается на «Иву». Неужели он и впрямь любит ее? Конечно, любит... именно ее... А почему, собственно, она недостойна его любви?! Она достойна! Она не хуже других!

Мила уже почти совсем собралась признаться ему в ответной любви, когда ей вдруг пришлось увидеть, как Олег разговаривает с клиентками и, главное, как ведут себя в его присутствии они. С того момента в душе Милы и поселилась страшная мучительная ревность. Ее мужчина, оказывается, принадлежал далеко не только ей. Он обворожительно улыбался еще и другим женщинам, делал им комплименты и даже целовал ручки. Если он и не возил, как утверждал, других женщин в свою квартиру на Васильевском острове, то вполне мог встречаться с ними в своем «Силуэте». В ателье у Олега был очень уютный кабинетик с мягким диваном, словно нарочно поставленным для эротических процедур, которые он наверняка принимает в качестве расслабления от напряженной работы.

Мила так ни разу и не сказала ему в ответ слов любви. Она вообще не была мастерицей говорить. Ей надо было родиться немой. У нее такие же ловкие и чувствительные руки, как у них. Она и занялась текстилем, потому что за этой работой можно было молчать. О любви Миле вообще ни разу в жизни говорить не приходилось, даже в юности, когда все направо и налево с легкостью бросали уверения в вечном чувстве. Сказать об этом Олегу было вообще невысказано. Сначала Мила боялась попасть не в тон, сфальшивить. Потом стала бояться себя. Своей ревности. Боялась сорваться и полностью загубить собственную жизнь. Пока они не окончательно соединились с Романцом и иногда жили отдельно, каждый в своей квартире, она все же держала себя в руках. Казалось бы, когда еще ревновать, как не в отсутствие предмета? Но у Милы почему-то все получалось наоборот. Без Романца ревность в ее душе непонятным образом ужималась, ссыхалась в стручок, лопалась и исчезала, оставляя чуть едкий легкий дымок. Он выветривался окончательно к моменту возвращения Олега в квартиру Милы. А потом все начиналось сначала. По нарастающей. По уссу параболы, направленной вверх. Чем невинней казалось лицо Романца, спящего в ее постели, тем в больших грехах подозревала его Мила.

После последнего конкурсного показа моделей, в котором принимал участие Олег, Мила совсем потеряла покой. Она не могла выставиться, потому что показ был объявлен неожиданно, в чем, собственно, и была его, как сейчас при-

нято говорить, фишка. Модельеры в срочном порядке собирали коллекцию из того, что было у них в заглазниках. Конкурс так и назывался: «Петербургские заглазники». Милины дорогие ткани нельзя было держать в заглазниках. Нельзя и изготовить в столь короткое время. Да и вообще последнее время дела салона авторской ткани «Ива» шли не очень хорошо. Мила понимала, что пора сделать очередной качественный рывок вперед, но все ее мысли занимал Олег. Вот ведь не зря она не хотела связываться с любовью. Знала, что пострадает ДЕЛО. Оно и страдало.

Конечно же, Олег Романец заслуженно взял приз «Петербургских заглазников», потому что пошел путем, отличным от остальных модельеров. Он не стал собирать в кучу однотипные модели, чтобы они представляли одну линию одежды. Он назвал свою коллекцию «Гардероб молодой горожанки», куда включил наряды для разных сезонов и на все случаи жизни.

Мила, которая присутствовала на показе в качестве зрительницы, бдительно следила за тем, что происходило вокруг Олега. Вокруг него вилось слишком много женщин! Слишком много! И одна краше другой! Модели, модельерши, богатые и не очень заказчицы, восхищенные зрительницы, представительницы прессы и телевидения... А он всем улыбался... Он был для всех открыт и доступен... Свой в доску... рубаха-парень... Сколько поцелуев... Сколько объятий... цветов... каких-то подарков в нарядных сумочках,

пакетиках... коробочках...

На фуршете, который был после показа, Мила впервые вдруг застеснялась своего платья, сделанного из ткани «Ива». На фоне декольтированных туалетов других женщин, сшитых в основном из однотонных шелков, – на их фоне особенно выгодно смотрелись бриллианты и иные дорогие камни, она, как ей показалось, выглядела по-маскарадному пестро и вульгарно. Олег не мог этого не заметить и наверняка весь фуршет мучился тем, что его спутница не в ладу с хорошим вкусом. Не случайно же после мероприятия он поехал не к Миле, а к себе, на Васильевский. Конечно, он отговаривался тем, что чертовски устал, но она-то понимала, в чем дело. И ей казалось, что эту очередную свою победную ночь он непременно проведет с кем-нибудь из питерского бомонда. С той, что в шелках и бриллиантах... Впервые ревность не утихла и при расставании. Все! Она приговорена к вечной, рвущей душу ревности!

Потом Романец вернулся к ней в квартиру, но Мила уже не могла успокоиться. Ей казалось, что она постоянно улавливает аромат другой женщины. А потом нашла этот конверт от письма Дарьи Александровны Сельвинской...

Мила еще раз взглянула на часы. До встречи с «Холмсом» оставалось три с половиной часа. Да, пожалуй, стоит поехать в «Иву» и потратить это время с пользой. Если Романец Милу бросит, к чему, собственно, все и идет, у нее опять не

останется ничего, кроме ДЕЛА. Значит, ДЕЛОМ и надо заняться!

* * *

– Не хотелось бы тебя огорчать, подруга, но Тесакова все-таки нас бросила! – сообщила Геля, как только Мила переступила порог кабинета, который они уже давно делили на двоих. – Ольга уже давно косилась в сторону. Не зря я предлагала тебе повысить ей зарплату!

– Она работала не лучше других девушек, – отозвалась Мила. – Ну... а сбежала – скатертью дорога! У нас есть бумага, где Ольга давала подписку о неразглашении!

– Плевала она на эту подписку!

– Ну... как же... Мы ведь можем... – растерянно начала Мила, но Геля ее перебила:

– Да, кое-что мы сможем, если Тесакова откроет собственную фирму, которая будет выпускать ткани, подобные «Иве»!

– Ну вот! Я об этом и говорю!

– А она может и не выпускать!

– А что же тогда?

– Она может выгодно продать кое-какие наши секреты где-нибудь... к примеру... в Комсомольске-на-Амуре. А те граждане, которые в Комсомольске, никаких подписок не давали.

– Но технология...

– А они скажут, что до технологии сами додумались, – опять перебила подругу Геля. – Не одна ты такая умная!

– Но Ольга не все знает. Ты же в курсе!

– Ольга была с нами чуть ли не с самого начала, а потому могла уже до всего и своим умом дойти.

– Вряд ли, – с сомнением покачала головой Мила. – Ткань надо чувствовать и... любить, а Тесаковой этого не дано. Она всего лишь неплохой исполнитель.

– Но она может найти того, кто ткань чувствует так же, как ты, – не сдавалась Геля.

Мила вскинула на нее растерянные глаза и спросила:

– Ты что-то можешь предложить?

– Ничего! – Гелена безнадежно махнула рукой. – Я просто поставила тебя в известность – только и всего. Будем надеяться, что у Тесаковой ничего не получится.

– Да-а-а... пожа-а-алуй... – протянула Мила и, не без усилия заставив себя выбросить из головы предательницу, тут же начала о другом: – В общем так, Геля: через пару часов я еду к «Холмсу», а пока займусь доработкой панно для кинотеатра. Тебя прошу позвонить в мебельный салон «Уют».

– Что еще за «Уют»? Первый раз слышу.

– Они только что открылись, на проспекте Стачек. У них огромные и абсолютно голые окна.

– Хочешь предложить им шторы? – сразу догадалась Геля.

– Да.

– А если...

– Никаких «если», Гелька! Ты обязана их заинтересовать.

В конце концов, можно предложить, что мы «оденем» их окна шторами на продажу. Пусть висят с ценниками в качестве образцов!

– Окна, говоришь, огромные?

– Огромные!

– Тогда мы потерпим колоссальные убытки, если никто эти шторы не купит!!

– Да, но если покупатели все же заинтересуются нашими тканями, то... В общем, не мне тебя учить! Давай-ка лучше работать! Тем более что у меня сегодня вообще очень мало времени...

– Переживаешь? – осторожно спросила Геля.

– Естественно, – тяжело вздохнув, отозвалась Мила.

* * *

Из «Ивы» Мила выехала в четверть двенадцатого. Она похвалили себя за то, что не стала ждать полудня дома. За работой отвлеклась от дум об Олеге, Дарье Александровне Сельвинской и о предательнице Ольге Тесаковой. Даже предстоящее свидание с детективом беспокоило ее уже гораздо меньше, чем с утра. Да и в самом деле, что она потеряет, если обратится к частному сыску? Ничего, кроме денег. Зато приобретет ценную информацию. Возможно, что нали-

чие в жизни Романца Дарьи Александровны объяснится как-нибудь очень тривиально, и она, Мила, наконец перестанет мучиться ревностью и даже наконец выйдет за Олега замуж. При мысли о замужестве с любимым человеком у нее сладко замерло сердце. Даже, возможно, позволит себе ребенка... Хотя... в ее-то годы...

Если бы сыскное агентство находилось в обшарпанном полуподвальном помещении, Мила даже не стала бы в него заходить. Так она решила с самого начала. Даже условившись о встрече, она допускала, что не станет связываться с сыскарями из подвала. Серьезная фирма должна себя уважать и не жалеть денег на приличное помещение. К радости Милы, контора «Шерлок Холмс» находилась на шестом этаже многоэтажного современного офисного центра с вертушкой и секьюрити у входа, с бесшумными скоростными лифтами и красивыми лапчатыми растениями у окон.

– Владимир Юрьевич вас ждет, – приветливо кивнула Миле юная секретарша. Она нажала кнопку связи и, продолжая улыбаться, четко произнесла: – Владимир Юрьевич! К вам Людмила Леонидовна Ивина.

Видимо, получив разрешение ввести в кабинет посетительницу, девушка выпорхнула из-за компьютерного стола легкой стрекозкой и поспешила открыть перед Милой дверь.

Владимир Юрьевич Цебоев, глава частного детективного агентства «Шерлок Холмс», приветствуя Милу, приподнялся над своим столом и широким жестом указал ей на мягкое

кресло, обитое черным велюром. Мила почему-то с неудовольствием подумала, что церемоний слишком много. Конечно, ей не хотелось связываться с палеными подвальными сыщиками, но и подобная галантность несколько настораживает. Хотя... если проводить аналогии с настоящим Шерлоком Холмсом... Тот ведь на скрипке играл...

Когда настал момент переходить к тому вопросу, ради которого она, собственно, и пришла в сыскное агентство, Мила опять сковали неловкость и смущение. То, что она намеревалась сделать, меткий на язык русский народ называл копанием в грязном белье... В данном случае копание будет, конечно, не в чужом белье, а в своем собственном, но... все же посторонний человек, пусть и по долгу службы, будет его самым тщательным образом разглядывать и нюхать.

– Вы напрасно смущаетесь, – неожиданно сильным баском произнес Владимир Юрьевич. – Как уже было сказано, мы гарантируем полную конфиденциальность нашего разговора и всех последующих за ним действий.

Мила вскинула на него глаза и наконец рассмотрела. Частный сыщик Цебоев оказался очень... круглым человеком... то есть плавно закругленным со всех сторон... У него было добродушное широкое лицо, откинутые со лба назад волосы неопределенного пегого цвета и покатые пухлые плечи, туго обтянутые светлым пиджаком. Даже кончики толстых бледно-розовых пальцев, в которых он крутил ручку, были сильно скруглены, чем напоминали диетические сосиски. Мила

подумала, что это все как-то не годится для сыщика. У Холмса был выразительный череп... Хотя, если вспомнить, к примеру, Эркюля Пуаро... Впрочем, все это к делу никак не относилось...

Кругло-розовый Цебоев спокойно ждал, пока взбудораженная посетительница придет в себя. Конечно же, Мила была далеко не первой из тех, кто нервничал перед ним. Он наверняка давно привык к исходящим от заказчиков флюидам смущения, тревоги и стыда, а потому никак на них не реагировал. Мила почувствовала, как у нее начали разгораться щеки. Одну из них она закрыла нервно подрагивающей ладошкой, тяжело вздохнула и начала излагать собственное дело.

– Насколько я понял, из доказательств у вас только письмо, которое вы нашли в кармане Олега Станиславовича Романца, – сказал Владимир Юрьевич, когда измученная Мила наконец закончила.

Она вздрогнула. Неужели этого мало? Неужели ему хотелось бы, чтобы Мила достала из кармана Олега женские трусики или бюстгальтер?

– Да, у меня только письмо, – сказала она и впервые посмотрела в глаза детектива. Они были светло-голубыми и какими-то отсутствующими. По ним совершенно невозможно было понять, о чем он думает. Но, может быть, у детектива и должны быть именно такие глаза и непроницаемое лицо?

– Вы принесли его с собой? – спросил он.

– Конечно, – невнятно ответила Мила, у которой все еще сводило скулы от стыда. Она суетливо покопалась в сумочке, с трудом отыскала среди кучи ненужных бумажек неприлично смятое письмо и протянула Цебоеву.

Он быстро и, как показалось ей, бесчувственно пробежал его глазами и опять спросил:

– А конверт? Был ли конверт?

Миле пришлось рассказать, куда делся конверт.

– Адрес вы помните?

– Только улицу – Оружейная.

– А что-нибудь о Сельвинской вам самой удалось узнать? – Цебоев продолжал допрашивать Милу совершенно бесстрастно, что ей не нравилось. Ей казалось, что человек должен загораться предложенным ему делом, как всегда горела она, приступая к разработке нового узора или к совершенствованию технологии. Она с трудом сдерживала себя от того, чтобы не вырвать из сосисочных пальцев Владимира Юрьевича письмо и не уйти, выразительно хлопнув дверью.

– Видите ли... мы... с подругой позвонили в телецентр... – И Мила рассказала ему все, что узнала по телефону Геля.

– Имя вашей подруги?

– Геля... Гелена Короленко...

– Фотографию Романца вы принесли?

Миле хотелось предложить ему не придуриваться, потому что всякий знает, как выглядит человек, входящий в пятерку

самых модных модельеров Санкт-Петербурга, но она не сказала ничего. В конце концов, ее соседи по подъезду никак не реагируют на Романца. Похоже, им, занятым своими бесконечными личными делами, даже не приходит в голову, что Милин мужчина – тот самый... Еще бы! Разве «тот самый» может жить с ними в одном подъезде! Ну... разве что слегка похожий на Романца... Сам Олег никогда не стремился к тому, чтобы его узнавали. Одевался очень просто и неброско, был со всеми приветлив и улыбочив, но всегда умудрялся уходить от разговоров – по-простому, по-соседски.

Еще раз порывшись в сумке, Мила выложила на стол, как ей казалось, самую лучшую фотографию Олега, где он был снят на фоне гобелена под названием «Ночь», который Мила тоже считала лучшей своей работой.

Цебоев вложил письмо Сельвинской и фотографию Олега в светло-голубую, под цвет собственных глаз, пластиковую папочку с белой кнопкой и надписью на бумажном уголке сбоку: «Дело Ивиной Л.Л.». Припрятав папочку в один из ящичков стола, он сказал:

– Ну что ж! Пока у нас есть все, что нужно для работы. Мы тут же сообщим вам, как только появятся первые сведения. Но если по какой-то причине Олег Романец в течение недели никак не проявит свои симпатии к другим женщинам... не будем обсуждать причины этого... – сразу же предупредил он Милины возражения. – Придется по самому классическому образцу спровоцировать его на контакт с... назовем

ее... подругой... да, пока подругой...

– Это как? – растерянно спросила Мила.

– Вы объявите Романцу, что уезжаете из Петербурга на несколько дней. У вас есть возможность уехать?

– Да... конечно...

– Ну вот и славно. Кстати, совершенно необязательно на самом деле уезжать. Можно отсидеться, например, у родственников.

– Нет-нет! Ни в коем случае! – поспешила сказать Мила. – Я не хочу их впутывать в мои личные дела! Но у меня есть подруга, хорошая... давняя... проверенная...

– Вот подруг я вам не посоветовал бы...

– Это потому, что вы не знаете мою подругу!

– Зато я хорошо знаю людей вообще, Людмила Леонидовна, – улыбнувшись лишь уголками губ, сказал сыщик и долгим взглядом посмотрел ей в глаза. Мила почему-то смутилась и как-то чересчур жалко промямлила:

– Сколько я вам должна?

– Снежана, моя секретарша, скажет вам, сколько стоит час моего времени, времени наших агентов, и объяснит, на какие расходы вам придется пойти в ближайшем же будущем.

Владимир Юрьевич встал из-за стола, церемонно склонил голову в легком поклоне и строго, как директор школы, прощающийся с родителями проштрафившегося ученика, произнес своим сильным, хорошо поставленным голосом:

– Всего хорошего, Людмила Леонидовна. Мы будем дер-

жать вас в курсе расследования.

Людмила Леонидовна еще более жалко кивнула и постаралась как можно скорее покинуть этот весьма негостеприимный кабинет. При этом она чувствовала на своем затылке пристальный взгляд сыщика вплоть до того момента, пока за ней не закрылась дверь его кабинета.

В общем, Миле все не понравилось. Встреча с детективом произошла не в том ключе. Ей казалось, что Цебоев должен был бы гораздо живее и заинтересованнее откликнуться на ее беду. В конце концов, она же будет платить ему деньги, и немалые. Вот если взять, к примеру, врачей из частных клиник! Они за деньги чуть ли не из своих халатов выпрыгивают, чтобы произвести хорошее впечатление. После этого им даже прощаешь, что лечат не слишком хорошо. Душевность – она многое искупает. А Цебоев стильную Снежану себе завел... Нет чтобы какую-нибудь уютную Мариванну... или, на худой конец, миссис Хадсон...

* * *

После посещения сыскного агентства Мила чувствовала себя не в своей тарелке. Ей казалось, что она только что совершила тягчайшее преступление. Она предала Олега, который ей доверяет. Как теперь смотреть ему в глаза? Как отвечать на его поцелуи? Хотя... он ведь совершенно спокойно смотрит в глаза ей, хотя занимается любовью еще и с

какой-то Дарьей Александровной Сельвинской! Возможно, что и не с ней одной!

Как Мила ни уговаривала себя, что все сделала правильно, выдержать взгляды Олега в этот вечер так и не смогла. Сославшись на головную боль, она легла в постель виноватым лицом к стенке. Олег какое-то время еще послунялся туда-сюда по квартире и завалился к Миле под бочок, зарывшись лицом ей в волосы. Она не шевельнулась. Романец заснул первым, жарко дыша ей в шею. Может быть, у него все же чистая совесть? Если частный сыщик, Цебоев Владимир Юрьевич, это докажет, счастливее Милы не будет никого на свете. А Олег... Олег никогда не узнает, что она на полном серьезе подвергала его искренность сомнению. А говоря иначе – предала.

* * *

В конце следующей недели, когда Мила уже начала радоваться тому, что Олег «никак не проявил своей симпатии к другой женщине», ей позвонил Цебоев и предложил встретиться. Мила согласилась и остаток времени до встречи с сыщиком провела в таком нервном напряжении, что у нее начали непроизвольно съезжать набок губы.

Вместо того чтобы сразу выложить Миле то, что выяснил, Владимир Юрьевич долго копался в ящиках стола, переключая туда-сюда какие-то бумаги, и даже поменял местами

настольный календарь с пачкой ядовито-желтой бумаги для заметок.

– По-моему, вы тянете время, – дрожащим голосом заметила ему Мила. – Неужели то, что вы узнали, настолько ужасно?

– Нет, собственно, не ужасно... – ответил он и сложил ровной стопочкой журналы, которые до этого валялись на краю его просторного стола в полном беспорядке. – Просто Оружейной улицы в Петербурге нет.

– Как это нет?! – возмутилась Мила. – Я же видела адрес на конверте: Санкт-Петербург, улица Оружейная...

– В Петербурге есть улица Оружейника Федорова...

– Нет-нет! При чем тут какой-то Федоров? – возмущенно перебила его Мила. – Уж Федорова я запомнила бы...

– И, тем не менее, просто Оружейной улицы у нас нет. Можете сами посмотреть по карте города. – Владимир Юрьевич придвинул к ней толстый справочник.

Мила с ужасом взглянула на уже изрядно потрепанную книгу, отрицательно покачала головой и промямлила:

– То есть вы ничего не узнали...

– Нет... почему же... Вот посмотрите... – Цебоев достал из выдвижного ящика стола ту самую голубую папочку с надписью «Дело Ивиной Л.Л.» и извлек из нее пачку фотографий, которую протянул Миле. Она неохотно взяла ее в руки.

– Вы посмотрите, посмотрите, – вынужден был еще раз предложить ей сыщик, потому что Мила никак не могла за-

ставить себя взглянуть на фотографии. Она очередной раз тяжело вздохнула и все-таки принялась перебирать яркие снимки:

Олег входит в подъезд дома.

Крупная кирпичная кладка, на которой табличка с надписью: «ул. Разъезжая 17». Не Оружейная...

Олег выходит из подъезда с миловидной женщиной лет тридцати.

Олег обнимает эту женщину и тянется губами к ее щеке.

Женщина обнимает Олега.

Они вместе садятся в его машину.

Олег с мальчиком-подростком стреляют в тире.

Олег с этим же мальчиком в кафе.

Олег, мальчик и все та же миловидная женщина лет тридцати идут по улице и улыбаются.

– Кто это? – прошептала Мила, ткнув пальцем в миловидную женщину.

– Это Кострикова Зоя Сергеевна, – охотно отозвался детектив, любовно оглядывая снимки.

– Зоя Сергеевна... – зачем-то повторила за ним Мила. – А где же Сельвинская Дарья Александровна?

– Дарья Александровна Сельвинская не зарегистрирована среди жителей Санкт-Петербурга.

– Как не зарегистрирована? – окончательно испугалась Мила. Неужели конверт и письмо ей примерещились на почве ужасающей ревности? Нет... этого не может быть... Гель-

ка ведь тоже видела письмо... Она и газету с адресом конторы «Шерлок Холмс» подсунула...

– Не зарегистрирована, и все, – твердо ответил Цебоев. – Может быть, она живет без прописки? Снимает квартиру на птичьих правах?

– Я... я не знаю... А эта... Зоя... она кто? Любовница... – Мила с большим трудом произнесла это слово при постороннем, хотя уже сто раз проговаривала его мысленно. Сыщик сделал вид, что не заметил ее сорвавшегося голоса, и с удовольствием объяснил:

– Зоя Сергеевна Кострикова – бывшая жена Олега Станиславовича Романца. Разве он не сообщил вам, что был женат?

– Сообщил, но... В общем, он говорил, что женитьба была ошибкой юности, что они с бывшей женой не общаются...

– Как видите, общаются!

– А этот мальчик... он... – Мила не смогла закончить вопрос, но Владимир Юрьевич мгновенно пришел ей на помощь:

– А мальчик по имени Ваня приходится сыном Зое Сергеевне и Олегу Станиславовичу.

– Не может быть... – с трудом проговорила непослушными губами Мила.

– Похоже, что о сыне Романца вы слышите первый раз? – с легкой усмешкой спросил Цебоев, и Мила поняла, что беспристрастие гораздо больше шло его круглому лицу. Ей при-

шлось нехотя согласиться:

– Да... первый...

– И вас это сообщение не радует?

– Представьте, нет! – довольно зло ответила она.

– Но, к сожалению, это все сведения, которыми мы пока располагаем. – Владимир Юрьевич вытащил из напряженных пальцев Милы пачку фотографий и аккуратно вложил ее все в ту же голубую папочку с белой кнопкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.